Поп и три брата работника

Жили три брата, прежде они жили хорошо, а нонце плохо стали жить. Большой брат и говорит:

— Кому-небуть надо итти в роботу.

Пошол меньшой брат в роботу. Идёт по дороги, стретилса поп.

— Куды, молодец, пошол?

— Пошол я в роботники наймоватця.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну, што просишь?

— Прошу сто рублёв в год.

— Дам сто рублей, только положь залог: ежели ты впе́рва осердисся, платы прост, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжка.

— Ладно, согласен.

На восток Богу помолились и поехали жить к попу.

У попа были дети, был сын прокаже́нной; седут ись, сын заревёт: «Я страть хоцю». Роботник потащит в нужник, воротитца, а со стола о́брано, а роботник недоел. Так и до полу́году живёт, и стал роботник вовсе слаб. Поп заметил:

— Што же ты, роботник, не весел?

— Бачко, ты кабы был в моём мести, ты бы с первого дня осердилса; я больше половины году терпел, топере осердилса.

— Ну, осердилса и ладно.

Живут, и год прожил. Расцот надо бы с хозяина получить.

— Хозяин, отдай расцот. Поп и говорит:

— У нас ведь с тобой залог был положен: платы прост, ежели ты впе́рва осердисся, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжку.

Робочему нецё стало говорить, от попа пошол не с цем. Пришол домой, принёс ницего. Братья спросили:

— Где ты был, што принёс?

— А где жил, тут и осталось.

Братья говорят:

— Это-ле наша не беда! ждали с деньгами, а пришол не с цем.

Большой брат и говорит:

— Иди ты в роботу, нецем стало жить у нас.

Пошол средней брат в роботу. Идёт по дороги, стретилса сам жо тот поп.

— Куды, молодец, пошол?

— Пошол я в роботы наймоватца.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну, што просишь?

— Прошу сто рублей в год.

— Дам сто рублей, только полож залог: ежели ты впе́рва осердисся, платы прост, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжка.

— Ладно, согласен.

На восток Богу помолились и поехали жить к попу. У попа были дети, был сын прокаженной; седут ись, сын заревёт: «Я страть хоцю»... (совершенно так же, как в первой раз).

Пришол и средней брат домой опять не с цем. Братья спросили:

— Ну, брат, жил ты, где деньги?

— А где жил, тут и осталось. Большой брат говорит:

— Ну нецего делать, братья, оставайтесь, пойду я в роботу. Пошол по дороге, стретилса сам жо тот поп.

— Куда, молодец, пошол?

— Пошол я в роботы наймоватца.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну што просишь?

— Сто рублей в год.

(И пр. по-старому, поп также морит голодом работника.. .)

Живёт до плу́года, стал плохой на лице. Поп заметил, невеселой.

— Што ты не весел стал, сердишься-ле што-ле на меня?

— Да батюшко, ты бы в моём месте был, с первых дён осердилса, а я не сержусь на тебя нескольки.

У попа было три сына, первой прокаже́нной, второй Лука, третей Пёрша. Робочий наутро раненько стал, кол навострил, с обех кончей, из нужника заткнул в землю, а другой конеч на верху. Сели обедать, прокаже́нной ревет:

— Страть хоцю.

— Роботник, тащы.

Робочей потащил и посадил дырой на кол, да и придавил и заскоцил круте́нько в избу. Попа с попадьей застал за столом и сел ись, в первой раз ищэ. Попадья и говорит:

— Ты куды ино парня-то девал?

— Молци, попадья, ваш сын у места сидит, звезды цита́т. Поп и говорит:

— Што-жо, попадя, не бежишь, не смотришь? Каки звезды там цитат?

Попадья побежала, у робёнка ротом кол вышол. Забежала.

— Поп, што-жо ты сидишь, каки жо звезды цитат — ротом кол вышол.

Поп побежал, роботник сзади, поп с кола сымат, роботник и говорит:

— Батюшко, не осердились-ле?

— Нет, каки осердились, не осердились. Прокажéннаго похоронили. Топере живут прекрасно, от стола не оддéргивают, роботник сытой, весёлой. Поп ушол в гости, роботнику наказыват.

— Роботник, смотри анбарни двери карауль, пускай не украдут.

Робочей после их анбарни двери снял с крюков и братьéй наказал. Скорéшинько братья приехали, из анбара што было увезли. Роботник с дверями пошол, где поп в гостях, двери на полати запихал, на двери сам лёг. Поп посматриват: «Как быть мой роботник». Гостей хороших много, реветь стыдно, и насмелилса.

— Што, роботник, не ты-ле тут?

— Я.

— Как ты тут, я велел тебе анбарни двери караулить, а ты здесь.

— Анбарни двери ведь у меня здесь, э́во подо мной. Поп подумал:

— Это-ле не беда.

Не охота было итти, надо итти. Роботник с полатей двери добыват, пробивается меж людьми, попадья сзади. Пришли, в анбаре уж мало дело увезено. Попадья и говорит:

— Поп, это-ле нам не беда! Роботник говорит:

— Батынко, не осердился-ле?

— Нет, зацем осержусь.

Опять жили-поживали, живут согласно. Попа с попадьéй зовут в гости опять. Пошли, попадья роботнику наказыват:

— Роботник, ты испеки пирог месной, накроши луку да перчу, завтра нам гости будут.

Ушли в гости, он поймал робяток, убил, отрезал от их мескó, в пирог запёк, остатки в погреб бросил. Поп с попадьей домой пришли, робяток нету, должно, у дедки и бабки спят. Наутро стали, созвали гостей, погостили,

всяки ествы ели, до этого пирога дело дошло.

— Поп, ты режь пирог, да оставь Луки да Перши по кусочку.

Работник на полатях лежит.

— Попадья! Луки да Пёрши нету, ты ведь Луку да Пёршу велела выкрошить на пирог.

Гости и за стола стали вон походить, по домам. Ушли. Поп спрашиват:

— Де жо робята-ти, убиты-ти?

— Робята в погребу.

Попадья говорит:

— Поп, да всё жо остатки-то похоронить надо.

Роботник и говорит:

— Поп, колодоцьки делайте, а я пойду могилу копать.

Роботник спрашиват:

— Батюшко, ты не осердилса-ле?

— Нет, не осердилса.

Робяток похоронили, пришла ночь, легли спать, комната одна. Поп с попадьей на кравати, роботник на полу. Попадья попу и говорит:

— Поп, што-жо будет делать нам? Это-ле нам не беда! У нас ведь житьё было хорошо, нынче нецёго не осталось, один скот. Прокажонной ты, прокажонной! Лука да Перша были безвинны, да и тех погубил у нас, кабы нас не погубил. Пошлём его в чисто поле, там ходит медведь-людоед, скажем ему, што у нас цёрна корова не пришла.

Наутро стали, поп роботнику и говорит:

— Роботник, у нас цёрна корова не пришла, поди пригони. Роботник был послушен, мимо и пошол.

Приходит в чисто поле на самого медведя, медведь на задни ноги стал. Молодец говорит:

— Миха́йло, много-ле ты у меня уешь? Поди к моему хозяину трепу́щаго мяса ись.

Медведь и пошол. Молодец позади идёт. Догонил до дому, отворил вси двири в хлевах.

— Полезай, будет э́тта тебе ись.

Сам пошол в дом. Поп спросил:

— Роботник, пригонил-ле корову-ту?

— Пригонил.

Попадья и заревела:

— Што жо, поп, будет! Корова-то ведь у нас дома была, кого же он пригонил?

Попадья кинулась во хлев, заглянула, медведь ходит:

— Поп, это-ли не беда! Ведь он медведя пригонил, скота всего придавил. Поп говорит:

— Роботник, пожалуста, поди выгонь медведя назад. Роботник вышол.

— Михайло, наелса, дак поди прочь.

Медведь ушол. Роботник зашол в избу.

— Батюшко, не осердилса-ле на меня?

— Нет, как, зачим осержусь.

Пришел вецер, ложится спать стали, поп с попадьей на кравать, роботник на полу. Ноцью попадья попу и говорит:

— Поп как же будем делать? Роботник до́циста у нас всё упёк, кабы нас не упёк. Утром испекци надо хлеба, да сбежать, цёрнаго, да белаго склась в мешки, побольше ты тащишь, поменьше я.

Роботнику худо спитця,слышит ихной розговор. Утром попадья стала стряпатця. День проходит, наступат вецер, ложатця спать, мешки с хлебом в сенях лежат. Роботник ноцью взял малицу, завертел под одеяло, окутал, сам вышол, из мешка хлеб высыпал, в мешок сам забилса. Попадья ноцью

прохватилась.

— Поп, ставай, Бога ради, кру́це.

Выбежали в сени, оделись, поп большой мешок схватил, попадья малой, побежали. Бежали, бежали, стретилась рецька, груба́-река. Мешки бросили, попадья и говорит:

— Слава тебе, Осподи! Убежали от злодея.

Поп и говорит:

— А слава Богу, убежали же.

Роботник из мешка выбиваетця.

— Поп, я ведь здесь.

— Але ты, роботник, здесь?!

Сели ужинать, и роботник вместе, роботнику не есса, не шипко пристал. Роботник скоро наелса и ушол на свою нужду к рецьке. Угорыш крутой, попадья и говорит:

— Ты, поп, на́ гору ляк, а я по́д гору, а роботника возле меня повали. Ты сосни, да прохватись, да меня пихни, я его ищэ пуще пихну, он в воду-то улетит, утонет.

Легли спать, поп на́ гору, попадья пониже, роботник ищо того пониже. Поп с попадьей устали, за́спали, работнику не спится. Взял попадью, пошевелил, попадья откатилась, сам в серёдку лёк. Роботник лежит ждёт: «Когды́-когды́ поп меня пихнёт». Поп проснулса, роботника пихнул, тот ищо того пуще попадью толкнул, попадья улетела в воду, буртыхаетца.

— Попадья, ставай, ставай, утонул, слава Богу!

Роботник скочил.

— Поп, да ведь попадья утонула!

Поп молчит, роботник и говорит:

— Поп, не осердилса ли?

— Ах ты, дурак ты, дурак, хоть век бы ты меня упёк, ищо бы я не осердилса, а то попадью упёк, нынце осердилса.

— Поп у нас было о цём залог положенной?

— Был, да ведь ты у меня уже всё упёк.

— И я бы тебе нецего не сделал, да мы на восток Богу помолились, грешно будет, давай ложись.

Попа повалил, стал кроить из спины ремень, из жопы пряжоцьку. Прошол проць оттуль, до дому дошел, остатки увезли всё.

(Шишолов Василий Дорофеевич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.